

DOI 10.15393/j9.art.2016.3841

УДК 821.161.1.09“1917/1992”

Ольга Анатольевна Бердникова*Воронежский государственный университет
(Воронеж, Российская Федерация)*

olberd@mail.ru

«...НАКАНУНЕ ГИБЕЛИ ТОЙ РОССИИ»: 1916 ГОД В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ И. А. БУНИНА

Аннотация. В статье рассмотрены стихотворные и прозаические произведения И. А. Бунина 1916 года — времени его творческой зрелости. Стихотворения и проза трактуются с точки зрения отражения в них предчувствий писателя «русского катаклизма 1917 года». Христианская интуиция Бунина позволила ему осмыслить 1916 год в контексте истории и метаистории одновременно как канун и исход апокалиптического напряжения русской жизни. Впервые представлен концептуально значимый для поэта дантовский мотив «половины жизни земной», раскрытый в мировоззренческом аспекте и поэтологической парадигме. Бунин декларирует «любовь и радость бытия» как неизменную основу его мироощущения, независимую от времени с его историческими потрясениями. В данной статье существенно уточняются основы концепции творческой памяти благодаря введению понятия «адамизм», значимого для Бунина в антропологическом и поэтологическом аспектах. «Адамизм» Бунина — это чувственно переживаемая способность поэта возвращать райское мироощущение, дарующее человеку счастье и всеединство бытия, соединяющее прошлое, настоящее и будущее и приобщающее его к вечности. Это отдаляет поэта от модернизма и делает его наследником христианской духовной традиции. В прозе Бунина персонажи, именованные Адамом, становятся символом деградации человека в духовно-нравственном и родовом аспектах. Писатель осознавал, что трагизм существования человека предопределяется не столько социальным, сколько экзистенциальным «чувством бездомности», отчужденностью, одиночеством, а самое главное — отсутствием в сердце человека подлинной любви к Богу и ближним.

Ключевые слова: И. А. Бунин, проза и поэзия 1916 года, история и метаистория, христианская антропология, «адамизм», поэтология

Столетние юбилеи — особенность нашей рубежной эпохи, причем значимыми становятся не только юбилеи самих авторов, но и их произведений, в которых мы через сто лет после их создания открываем новые смыслы и — что

особенно интересно и поучительно — пророческие послылы, так или иначе закодированные в их образной системе.

Подобные «текстовые юбилеи» в течение ряда лет становятся научным событием в рамках Бунинской Творческой мастерской — особой формы научного поиска, предложенной и осуществляемой учеными Воронежского государственного университета совместно с российскими и зарубежными коллегами. Материалы Творческих мастерских публикуются в сборниках научных трудов кафедры русской литературы XX и XXI вв., теории литературы и фольклора ВГУ. Так, Творческая мастерская 2011 года была посвящена столетнему юбилею повести «Суходол» [11], на Творческих мастерских 2012, 2013 и 2014 годов обсуждались лучшие рассказы этих лет: «Чаша жизни» (1912) [7], «При дороге» (1913) [12], а также стихотворения и прозаические произведения, написанные в год начала Первой мировой войны [4].

1916 год для Бунина — время писательской и поэтической зрелости. «Наивысший расцвет стихов Бунина — 1916 год. Самые сильные, мрачные, полновесные пьесы написаны накануне гибели той России, которая его родила и чью гордость он сейчас составляет... Их общее настроение — трагедия, надвигающаяся туча, — хотя говорят они о самом разном. Среди них есть перлы» [9, 411]. В 1916 году напечатаны и принесшие писателю мировую известность рассказы «Петлистые уши», «Легкое дыхание», «Сны Чанга», «Соотечественник», «Аглая», а также «Сын», «Казимир Станиславович», «Старуха», «Пост», «Третьи петухи», «Отто Штейн».

Однако если, к примеру, в 1913–1915 годах проза в количественном отношении явно доминировала над поэзией, то 1916 год отмечен прямо противоположной тенденцией. В этот год Буниным создано около 100 стихотворений — сам он неоднократно свидетельствует о необычайном поэтическом подъеме. В письмах друзьям и издателям 1916 года он часто сообщает о посылках стихов в журналы: «Посылаю пук стихов»¹, «Я все стихи писал за последние дни»². Причем и далее, несмотря на трагические потрясения революционных лет, 1917–1923 годы ознаменованы самым мощным (и последним)

всплеском поэзии Бунина: почти все стихи этих лет — шедевры его лирики.

Но современники по-разному оценивали значимость бунинской поэзии и прозы. Так, Ю. Айхенвальд в «Силуэтах русских писателей» рассматривает и высоко ценит, прежде всего, поэзию Бунина [1], а Вл. Вейдле отмечает, что «как поэт он принадлежит девятнадцатому веку, но как прозаик он старший из писателей, открывающих в нашей литературе двадцатый век» [5, 431]. Эта отнесенность Бунина-поэта к прошлому веку в оценке Вейдле звучит как констатация некоего отставания поэзии Бунина от прозы, несоответствия ее настроениям XX века.

Между тем спустя сто лет поэзия Бунина воспринимается как уникальный художественный феномен, который таит в себе вполне ощутимую при прочтении и попытках научной интерпретации, но трудную в логическом и терминологическом выражении тайну. Казалось бы, в его «реалистической или объективной» поэзии (по типологии Л. Франка) [14, 323] выражены простые истины о человеке и бытии. Но, по справедливому суждению В. Непомнящего, «в сущности любая простая истина заключает в себе тайну. Такая тайна не может быть раскрыта, но она требует сопричастности и соучастия познающего субъекта». Это не загадка, которую можно разгадать, а именно тайна, которая есть «не количество, а качество, не сумма и сложность, а целостность и простота. В тайну невозможно проникнуть, ею можно проникнуться, и это уже проблема не ученая, а духовная» [13, 118].

В начале XXI века особенно значимыми представляются столь глубоко увиденные писателем проблемы духовного бытия человека XX века, его отношение к православным ценностям и традициям. Именно в 1910-е годы в творчестве Бунина заметно усилилась религиозная насыщенность проблематики, что проявилось в активизации библейских, агиографических мотивов, тем и сюжетов Псалтири и народной духовной поэзии. В 1916 году в прозе появился такой шедевр, как «Аглая», а в поэзии стихотворения: «Бегство в Египет», «Стой, солнце!», «Искушение», «Псалтирь», «На исходе», «Матфей прозорливый», «Сон епископа Игнатия Ростовского»,

«Святой Прокопий». Архимандрит Кирилл Зайцев, автор первой монографии «И. А. Бунин. Жизнь и творчество» (1934), определяет духовный вектор поэзии Бунина как «*устремленность к Богу*» (курсив К. Зайцева. — О. Б.), жажда Его увидеть и воздать Ему хвалу. И рост бунинского таланта стихотворца можно, пожалуй, лучше всего измерить по признаку все большего утверждения в его поэтическом сознании начала “предстояния Богу”, все большей религиозной осмысленности этого творчества» [10, 245]. (Этот фрагмент выделен на полях чертой самим Буниным, прочитавшим монографию К. Зайцева, что может означать его одобрение данного утверждения.)

Но тематика стихотворений 1916 года, действительно, как заметил Б. К. Зайцев, крайне разнообразна: достаточно много стихотворений, написанных на сюжеты русских былин, летописей, народных и литературных сказок: «Святогор и Илья», «Князь Всеслав», «Людмила», «Руслан», «Молодой король», «Песня», «Сон», «На помории далеко». В целом ряде текстов сюжетным стержнем становится смерть юной девушки как отражение фабульной ситуации «Легкого дыхания»: «Малайская песня», «Богом разлученные», «Дурман», «Дочь». В этом ряду едва заметны пейзажные стихи: «Укоры», «Последний шмель», «Вечерний жук», «Зимой». Зато, как и в прозе («Соотечественник», «Сны Чанга»), много произведений, отражающих восточные увлечения и путешествия писателя: «Цейлон», «Вот он снова, этот белый...», «Феска», «Индийский океан», «Отлив», «Заклинание» и другие. Именно 1916 год явился временем создания многих итальянских и греческих стихов Бунина: «Кадельница», «Цирцея», «У гробницы Вергилия», «Эллада», «Колизей», «Калабрийский пастух», «NEL MEZZO DEL CAMIN DI NOSTRA VITA», «Аркадия», «Конь Афины-Палады», «Помпея».

1916 год уникален тем, что спустя тридцать лет Бунин осмыслит его как в определенной степени итоговый — «половину жизни земной». Именно этим можно объяснить тот факт, что в 1947 году он вполне осознанно даст новое заглавие своему стихотворению 1916 года «Абрикосы» («Дни близ Неаполя в апреле»). Так появится единственное стихотворение с иноязычным заглавием — «NEL MEZZO DEL CAMIN DI

NOSTRA VITA» (первая строка «Божественной комедии» Данте). До уточнения Т. М. Двинятиной первоначальной даты написания и публикации [8, 435] оно (наряду с «Искушением») считалось едва ли не самым поздним, одним из последних текстов Бунина-поэта.

Уточненная датировка и переименование придают этому тексту особое значение в творчестве Бунина и особенно выделяют его среди стихотворений 1916 года. Ведь жизнь, пройденная до половины, подразумевает прощание человека с молодостью, представление о некоей границе в его жизни. Так, Н. С. Гумилев, к примеру, признается, что «не прожил, <...> протомился половину жизни земной» («Я не прожил, я протомился...», 1916)³. Как и в творческом сознании И. Бунина (и это совпадение удивительно для столь разных поэтов), к 1916 году у Гумилева также возникает ощущение «половины жизни земной», связанной, в отличие от Бунина, прежде всего, с его любовными переживаниями. Бунин же, «земную жизнь пройдя до половины», в одно холодное и сырое раннее утро, наблюдая голубеющий в утреннем тумане цветущий абрикосовый сад, констатирует, как и в молодости: «Так сладок сердцу Божий мир...».

Возможно, поэтому в итальянском стихотворении Бунин цитирует строки своего стихотворения «Оттепель» (1901) («Еще и холоден и сыр...»), в котором поэт, утомленный постоянными суждениями критиков о нем как об «описателе природы», полемично заявляет о том, что влечет его не пейзаж, а «любовь и радость бытия»⁴. «Дни близ Неаполя в апреле» (1916) воспринимаются поэтом так же, как весна в родной степной деревне. На мотивном уровне актуализируется стихотворение «Русская весна» (1905): «Туманно и тихо — в степи» (1905) — «В них голубой стоял туман» (1916), «Конским размокшим навозом / В тумане чернеется шлях» (1905) — «Вдыхая в полусне дурман / Земли разрытой и навоза...» (1916) (1, 291).

«Холод и сырость» — лейтмотивные и сугубо индивидуальные приметы бунинского «чувства весны», радости и счастья земного бытия: не случайно и «легкое дыхание» в одноименном рассказе «рассеялось в <...> холодном весеннем ветре» (IV, 98)⁵. Но если «холод и сырость» в русском

стихотворении 1901 года характеризуют «февральский воздух», в котором уже чувствуется дыхание весны, то в итальянском — целый мир:

Дни близ Неаполя в апреле,
Когда так холоден и сыр,
Так сладок сердцу Божий мир... (2, 142).

Буниным отражена та изначальная «святая сила» Божественной любви, о которой писал и Данте, описывая раннее утро, разгоняющее на время тревогу его лирического героя:

Был ранний час, и вот, окружено
Созвездьями, светило дня всходило,
Как в первый день, когда зажглось оно
Божественной любви святою силой.
Отрадою дышало все кругом...⁶

И у Данте, и у Бунина возникает мотив перевозданной, райской свежести и отрады земного существования человека. Последняя строка стихотворения о «половине жизни земной» — «Дни, вечно памятные мне!» — дает представление об уникальности бунинской памяти, сохраняющей в чувственном переживании не пейзаж как таковой, а сокровенно сердечное, по сути, сакральное чувство «сладости Божьего мира».

«Отрада» земного бытия становится темой и другого итальянского стихотворения — «У гробницы Вергилия», написанного также в Неаполе, весной 1916 года и вначале имевшего заглавие «У гробницы Вергилия, весной». Текст «Божественной комедии» представлял Вергилия как странника во времени и «проводника» в иные миры и «реальности», и в бунинском стихотворении он играет именно эту роль. В первой строфе дается визуальная картина мира с реалиями, несущими приметы неизменности бытия: «дикий лавр», «розы», «дети», «козы в сорных травах по буграм», «моря вольные края». В последней строфе появляются запахи: «Запах лавра, запах пыли, / Теплый ветер...» (2, 133). При этом бытийно-природные «картины», в обоих случаях отмеченные многоточием и призванные соединить «тогда» (время Вергилия) и «теперь» (время лирического героя), предваряют обращение лирического героя к Вергилию.

Вергилий как поэт и автор сборника «Буколики» («Пастушеские песни») и «Георгики» («Поэмы о земледелии») был близок Бунину своей любовью к естественно-природным реалиям и способностью ощутить, что «счастье всюду» («Вечер») (1, 74). Предметом разговора его лирического героя с Вергилием, данного в двух срединных строфах, является по существу доказательство того, что именно «счастье жить» связывает «душу живых» с «темной душою могил» («Надпись на чаше») (1, 267):

Знал поэт: опять весною
Будет смертному дано
Жить отрадою земною,
А кому — не все равно! (2, 133)

Отсюда странное, на первый взгляд, суждение Бунина: «Счастлив я, / Что моя душа, Вергилий, / Не моя и не твоя» (2, 133). Но «расширение» души поэта как типологическую черту творческой личности отмечали философы и поэты разных эпох. Сам Бунин на протяжении многих лет размышлял об этой особенности художника. В дневниках есть такая запись от 12 сентября 1940 года: «Пушкин незадолго до смерти писал: “Моя душа расширилась: я чувствую, что могу творить”» (VI, 476).

В написанном через месяц сонете «В горах» («Поэзия темна, в словах невыразима...») как продолжении размышления о душе поэта Бунин даст уже своеобразное философское обоснование этого особого поэтического мироощущения: «Нет в мире разных душ и времени в нем нет!» (2, 313). Здесь Бунин прямо позиционирует лирического героя как поэта и формулирует определение поэзии как того «наследства», которое необходимо человеку, чтобы стать поэтом: «Чем я богаче им, тем больше я поэт». При этом наследством и становится способность поэта почуять то, что понимал и чувствовал «пращур», то есть вспомнить в себе Адама и его райское мироощущение, при котором действительно в мире не было «разных душ» и времени. При этом «пращур», как и Вергилий, осознав для себя эту истину «в древнем детстве», тем самым связал себя с потомками. «Древнее детство» в контексте творчества Бунина означает потерянный человечеством рай, поскольку

отсутствие времени означает и отсутствие смерти, то есть действительно райское состояние мира, ощутить которое призван поэт.

По законам сонетной композиции терцеты «спорят» с катренами. Действительно, в ответ на призыв сердца «вернуться назад» (во втором катрене) поэт утверждает (во втором терцете), что вообще «времени нет». Бунин вновь актуализировал образ сердца / души поэта. «Я говорю себе, почуяв темный след» в контексте стихотворения означает: «я говорю сердцу» в ответ на то, что «мне сердце говорит». В христианской традиции «говорить в сердце» — значит на библейском языке думать» [6, 575].

«Расширение души» как особое творческое состояние Бунин подробно характеризует и в стихотворении «Памяти друга», где показана способность художника «быть вселенной, / Полями, морем, небом», соприкоснуться «душой со всем живущим». Лирический герой и его умерший друг-художник, о котором он вспоминает, осознают, что им, как Адаму, был дан «жребий творца / Лишенного гармонии небесной...». Образ Адама ассоциативно возникает в этом тексте благодаря характеристикам, присущим богоподобному статусу праотца всего человечества: «...прежде был я бог... / О, если б вновь обнять весь мир я мог!» (2, 163). Сон и тоска друга здесь выступают как особые творческие состояния, дающие возможность действия прапамяти, способной воссоздать, вернуть человеку утраченное им райское блаженство и познание всех проявлений бытия. Отсюда поэт в творчестве Бунина получает особые задачи: «Я человек: как бог, я обречен / Познать тоску всех стран и всех времен» («Собака», 1909) (2, 71).

Так, «адамизм» Бунина в поэтологическом аспекте соотносится с христианской антропологической моделью: Адам актуален для него именно как целостный и гармоничный человек, имеющий богоподобный статус, соприродный Творцу (по образу и по подобию). Адаму были открыты «сокровенные тайны природы и дар пророчества», ему «было даровано бессмертие» [2, 229]. Миссия поэта осознана Буниным как «божественное всеведение», дарованное творческой

личности, что в целом вписывает его в пушкинскую парадигму поэта-пророка, но пророка «вспоминающего».

Поэтологическая тоска Бунина по «потерянному раю», ко всегда влекущим его «истокам дней» усиливала в нем понимание своего времени как «исхода» — особенно в столь тяжелый для России 1916 год. В этом году написано много стихотворений, где, по словам Б. К. Зайцева, действительно предощущается «трагедия, надвигающаяся туча». Среди них стихотворение «На исходе» — о появлении предсказанных в Евангелии «лже-Мессий», в которых легко угадываются «проповедники» революционных идей:

Ходили в мире лже-Мессии, —
Я не прельстился, угадал,
Что блуд и срам их литургии
И речь — бряцающий кимвал (2, 134).

Свое время поэт соотносит с языческой «тьмой», предшествовавшей Рождению Спасителя, отсюда Звезда на Востоке есть обещание той истинной Божественной Литургии, в которой соединятся прошлое, настоящее и вечное и восторжествует Истина. Бунин хорошо осознавал апокалиптический характер своей эпохи и позиционировал себя как человек, верный заветам Христа, пророчески угадавший своекорыстие и ложь новых учений и «учителей».

В прозе появляется один из самых мрачных прогнозов писателя — рассказ «Петлистые уши», в котором показан подобный «лже-учитель», кощунственно именующий себя «сыном человеческим» и вместе с тем «выродком», имеющим «петлистые уши». Адам Соколович, как и англичанин в рассказе «Братья» (1914), обстоятельно доказывает «нормальность» тяготения человека к убийству и явно профанирует идеологию Родиона Раскольникова. Но демонический Петербург последней зимы перед революцией чреват преступлениями, за которые никто не получит наказания и не испытает раскаяния. «Панский сын», порвавший со своим «родом-племенем», маргинал и бродяга, не имеющий семьи и привязанностей, чуждый всему и всем, Соколович становится в рассказе Бунина символом деградации человека (не случайно имя его Адам) как в духовно-нравственном, так и в сугубо родовом

качестве. Не способный почувствовать живую страсть к женщине, этот Адам лишается собственно человеческих характеристик: он убивает уже искушенную и развращенную «Еву» и как бы пресекает тем самым «род человеческий».

В святочном рассказе «Старуха» (1916) Бунин показывает трагическую несовместимость разных социальных пластов российской жизни в канун революции: мещанско-бытовой, народной и жизни культурной элиты. Так, у оборванного караульщика сыновья, «четыре молодых мужика, уже давно были убиты из пулеметов немцами», хозяева постоянно плачущей на кухне старухи все время скандалят — даже в Святочные дни, а «в далекой столице шло истинно разливанное море веселия» (IV, 146). Бунин с едким сарказмом рисует картины развлечений столичной элиты, показывая вполне узнаваемые приметы деятелей эпохи, названной позже Серебряным веком. Синтаксически это оформлено в одном огромном предложении, начинаемом и завершаемом словом «плакала» как основным лейтмотивом этого короткого рассказа.

Вместе с тем писатель осознавал, что трагизм существования человека предопределяется не столько социальным, сколько экзистенциальным «чувством бездомности» [3, 68], отчужденностью, одиночеством, а самое главное — отсутствием подлинной любви, той любви к Богу и ближним, что просвещает сердце человека.

Как пророчества о революционных потрясениях воспринимались современниками Бунина стихотворения «Сон епископа Игнатия Ростовского» и «Плоты», которые он неоднократно перепечатывал в разных эмигрантских изданиях, особенно в начале 1920-х годов. В «Сне епископа Игнатия Ростовского» эпизод княжеской вражды, отраженный в летописи, Бунин переосмысливает в символическую картину бесовского поругания исторического наследия России «смердами-мертвецами», выносящими из соборного храма княжеский гроб: «Они идут... Глаза горят... Их много... / И ни один не обратится вспять» (2, 125). В «Плотах» бытовая зарисовка сплава сосновых плотов представлена как символическая картина — страшное неотвратимое движение с «громядою реки» орущих плотовщиков, озаряемых кострами и «красным

заревом» холодного заката. Бунин обыгрывает этот образ в стихотворении «Семнадцатый год» (1917), в котором вначале «красное зарево» воспринимается лирическим героем как отблеск зари, а затем оказывается отсветом пожаров — реальным событием революционных времен. В дневнике 1917 года писатель сделает запись: «Читаю Соловьева — т. VI. <...> походы друг на друга, непрерывное сожжение городов, разорение их, “опустошение дотла” — вечные слова русской истории! — и пожары, пожары...» (VI, 432). Бунин ясно осознал катастрофичное мироощущение русского человека рубежной эпохи, глубинный мятежный дух русской жизни начала XX века.

Таким образом, 1916 год отмечен усилением поэтологической рефлексии Бунина. На «половине жизни земной» в сознании писателя формируется концепция творческой памяти как прапамяти («образной чувственной Памяти»), к обоснованию которой он будет не раз возвращаться: в рассказе «Ночь» (1924), в «Жизни Арсеньева» (1927–1930), в «Освобождении Толстого» (1937). В основе этой концепции лежит своего рода «адамизм», на который по-разному, но столь ревностно претендовали многие поэты Серебряного века и который явился общей эстетической потребностью эпохи. Но если в теориях и произведениях символистов мифологизировался андрогинизм Адама, для акмеистов (и футуристов) Адам востребован более всего как «первый поэт и нарицатель имен», то «адамизм» Бунина — это чувственно переживаемая способность поэта возвращать райское мироощущение, дарующее человеку счастье и всеединство бытия, соединяющее прошлое, настоящее и будущее, и тем самым укоренять человека в вечности. Отдаляет Бунина от модернистов, прежде всего, ощущение «радости бытия», «счастья жизни», так резко не совпадающее с доминирующими в поэзии Серебряного века настроениями.

Носитель такого мироощущения обретает внутреннюю независимость от времени с его историческими и социальными катаклизмами. Ведь Бунин через год — уже в том самом «семнадцатом году» — в апрельские дни снова воскликнет:

«Даже запахом сигары / Снова сладок Божий мир» (2, 176), а в другом стихотворении этого же года будет просить Господа вернуть «к потерянному раю» его «томленья и мечты» (2, 175). Через два года появится стихотворение «Потерянный рай» (1919), которое под заголовком «Русь» и «Из цикла “Русь”» будет не раз печататься в эмиграции. «Потерянным раем» уже осознавалась «обитель отчая» — та Россия, возвращение в которую будут чаять, как пророчески предполагал Бунин, ее раскаявшиеся блудные дети.

В прозаических и поэтических произведениях предреволюционной эпохи И. А. Бунин предчувствовал «великое падение России, а вместе с тем и вообще падение человека»⁷, столь трагически совершившиеся в стране в годы войн и революций. Его наследие в высшей степени актуально и поучительно для нашей эпохи, когда столь конфликтные формы принимает столкновение двух основных тенденций общественной и культурной жизни — профанирующей все нравственные ценности и сохраняющей великий христианский потенциал русской духовной традиции.

Примечания

- ¹ Бунин И. А. Письма 1904–1919 годов / под общ. ред. О. Н. Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 364.
- ² Там же. С. 360.
- ³ Гумилев Н. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Худож. лит., 1991. Т. 1. С. 286.
- ⁴ Бунин Иван. Стихотворения: в 2 т. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Изд-во «Вита Нова», 2014. Т. 1. С. 215. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.
- ⁵ Бунин И. А. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1988. Т. IV. С. 98. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома (римской цифрой) и страницы в круглых скобках.
- ⁶ Данте Алигьери. Божественная комедия. М.: Эксмо, 2007. С. 17.
- ⁷ Бунин Иван. Миссия русской эмиграции // Иван Бунин. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М.: Советский писатель, 1990. С. 352.

Список литературы

1. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. — М.: Республика, 1994. — 591 с.
2. Алипий (Кастальский-Бороздин, архимандрит), Исая (Белов, архимандрит). Догматическое богословие: курс лекций. — Сергиев Посад: Изд-во Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2014. — 287 с.
3. Бубер Мартин. Проблема человека. Часть первая. Путь проблемы // Философские науки. — 1992. — № 3. — С. 65–82.
4. «В краю отеческой привязанности»: легенды и образы Черноземья в русской литературе XX века»: сб. науч. тр. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. — 278 с.
5. Вейдле В. В. На смерть Бунина // Иван Бунин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. — СПб.: РХГИ, 2001. — С. 419–432.
6. Вышеславцев Б. П. Сердце в христианской и индийской мистике // Тарасов Б. Н. Человек и история в русской религиозной философии и классической литературе. — М.: Круг, 2008. — С. 575–618.
7. «Воронежский текст» русской культуры: Провинциальность как эстетический код литературы XX века: сб. ст. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2013. — 249 с.
8. Двинятина Т. М. Примечания // Бунин Иван. Стихотворения. — СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Изд-во «Вита Нова», 2014. — Т. 2. — С. 341–492.
9. Зайцев Б. К. Бунин (Речь на чествовании писателя 26 ноября) // Иван Бунин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. — СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. — С. 410–413.
10. Зайцев Кирилл, архимандрит. И. А. Бунин. Жизнь и творчество. — Берлин: Парабола, 1934. — 267 с.
11. Ежегодный Бунинский вестник. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2012. — 54 с.
12. Метафизика И. А. Бунина: межвуз. сб. науч. тр. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. — Вып. 3. — 188 с.
13. Непомнящий В. С. «Да ведают потомки православных». Пушкин. Россия. Мы. — М.: Сестричество во имя Преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы, 2001. — 396 с.
14. Франк С. Космическое чувство в поэзии Тютчева // Франк С. Русское мировоззрение. — СПб.: Наука, 1996. — С. 312–340.

Olga A. Berdnikova

*Voronezh State University
(Voronezh, Russian Federation)*

olberd@mail.ru

“...ON THE EVE OF THE DESTRUCTION OF THAT RUSSIA”: THE YEAR 1916

IN THE ARTISTIC CONSCIOUSNESS OF I. A. BUNIN

Abstract. The article examines the poetic and prosaic works of I. A. Bunin which were written in 1916, the period of his artistic maturity. Poetry and prose are interpreted in terms of the writer's presentiments of the “Russian cataclysm of 1917”, outlined in his literary works. Bunin's Christian intuition allowed him to understand the year of 1916 in the context of the history and metahistory at the same time, as the eve and the outcome of the apocalyptic tension of Russian life. The Dantesque motif of the “half of mortal life” conceptually significant for the poet, and developed later in an ideological aspect as well as in the poetological paradigm, is presented for the first time in the article. Bunin declared “love and joy of being” as an immutable basis of his attitude, independent on time, with its historic upheavals. This article substantially clarifies the basics of the idea of the artistic memory thanks to the introduction of the concept of “adamism” which is very significant for Bunin in anthropological and poetological aspects. “Adamism” by Bunin is a product of the poet's feeling to resuscitate a paradisaical attitude, giving a person happiness and the unity of being, bidding the past, the present and the future and engaging him into eternity. It makes the poet avoid Modernism, and become a successor of the Christian spiritual tradition. In his prose the characters named Adam become a symbol of human moral and family degradation. The writer was aware that the tragedy of human existence is predetermined by an existential, rather than social, “sense of homelessness”, aloofness, loneliness, and, what is more important, by the absence of genuine love for God and people in a person's heart.

Keywords: I. A. Bunin, prose and poetry of 1916, history and metahistory, Christian anthropology, “adamism”, poetology

References

1. Aykhenval'd Yu. *Siluety russkikh pisateley* [Russian Writers' Silhouettes]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 591 p.
2. Alipiy (Kasta'skiy-Borozdin, arkhimandrit), Isayya (Belov, arkhimandrit). *Dogmaticheskoe bogoslovie: kurs lektsiy* [Dogmatic Theology: Lecture Course]. Sergiev Posad, The Trinity Lavra of St. Sergius Publ., 2014. 288 p.
3. Buber Martin. Problema cheloveka. Chast' pervaya. Put' problemy [The Problem of Man. Part One. The Path of the Problem]. *Filosofskie nauki*, 1992, no. 3, pp. 65–82.
4. «V krayu otecheskoy privyazannosti»: legendy i obrazy Chernozem'ya v russkoy literature XX veka»: *sbornik nauchnykh trudov* [“In the Land of Fatherly Affection”: Legends and Images of the Black Earth Region in Russian Literature

- of the 20th Century: Collection of Scientific Works*]. Voronezh, NAUKA–YUNIPRESS Publ., 2016. 278 p.
5. Veydle V. Na smert' Bunina [On the Event of the Death of Bunin]. *Ivan Bunin: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Ivana Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh mysliteley i issledovateley. Antologiya* [*Ivan Bunin: Pro et Contra. The Personality and Works of Ivan Bunin in the Opinion of Russian and Foreign Thinkers and Researchers. Anthology*]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 2001, pp. 419–432.
 6. Vysheslavtsev B. P. Serdtse v khristianskoy i indiyaskoy mistike [The Heart in Christian and Indian Mysticism]. *Tarasov B. N. Chelovek i istoriya v russkoy religioznoy filosofii i klassicheskoy literature* [*Tarasov B. N. The Person and History in Russian Religious Philosophy and Classical Literature*]. Moscow, Krug Publ., 2008, pp. 575–618.
 7. «Voronezhskiy tekst» russkoy kul'tury: Provintsial'nost' kak esteticheskiy kod literatury XX veka: sbornik statey [“Voronezh Text” of Russian Culture: Provincialism as an Aesthetic Code of the 20th Century: A Collection of Articles]. Voronezh, NAUKA–YUNIPRESS Publ., 2013. 249 p.
 8. Dvinyatina T. M. Primechaniya [Notes]. *Bunin Ivan. Stikhotvoreniya* [*Ivan Bunin. Poems*]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., “Vita Nova” Publ., 2014, vol. 2, pp. 341–492.
 9. Zaytsev B. K. Bunin (Rech' na chestvovanii pisatelya 26 noyabrya) [Bunin (A Speech at the Writer Recognition on November, 26)]. *Ivan Bunin: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Ivana Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh mysliteley i issledovateley. Antologiya* [*Ivan Bunin: Pro et Contra. The Personality and Works of Ivan Bunin in the Opinion of Russian and Foreign Thinkers and Researchers. Anthology*]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 2001, pp. 410–413.
 10. Zaytsev Kirill, arkhimandrit. *I. A. Bunin. Zhizn' i tvorchestvo* [*Ivan Bunin. Life and Work*]. Berlin, Parabola Publ., 1934. 267 p.
 11. *Ezhegodnyy Buninskiy vestnik* [Annual Bulletin Devoted to Bunin's Creativeness]. Voronezh, NAUKA–YUNIPRESS Publ., 2012. 54 p.
 12. *Metafizika I. A. Bunina. Mezhevuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [*Bunin's Metaphysics. Interuniversity Collection of Scientific Works*]. Voronezh, NAUKA–YUNIPRESS Publ., 2014, vol. 3. 188 p.
 13. Nepomnyashchiy V. S. «Da vedayut potomki pravoslavnykh». *Pushkin. Rossiya. My* [“Let the Descendants of the Orthodox Know”. *Pushkin. Russia. We are*]. Moscow, Sestrichestvo vo imya Prepodobnomuchenitsy Velikoy Knyagini Elizavety Publ., 2001. 396 p.
 14. Frank S. Kosmicheskoe chuvstvo v poezii Tyutcheva [A Cosmic Sense in the Poetry of Tyutchev]. *Frank S. Russkoe mirovozzrenie* [*Frank S. Russian Worldview*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, pp. 312–340.

Дата поступления в редакцию: 10.08.2016